

НЕ ПРОФЕССИЯ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Актеры и роли

«Пилот — это не профессия, это — мировоззрение...» — так говорит о себе и своих друзьях главный герой спектакля «Жизнь Сент-Экзюпери», показанного в дни гастролей в Свердловске Ленинградским академическим театром драмы имени А. С. Пушкина.

Мне кажется, что, будучи чуть перефразированными, эти слова могут быть напрямую адресованы и самому исполнителю роли Сент-Экса — Игорю Горбачеву, для которого, — и это убеждение крепнет от спектакля к спектаклю, — между понятиями «актер» и «мировоззрение» стоит прямой знак равенства.

За 20 лет, прошедших с тех пор, как Игорь Горбачев был принят в труппу пушкинского театра, им сыграно многое. Как водится, рядом с победами случались и неудачи: кто от них застрахован в искусстве? Но вспоминая галерею образов, созданных актером на сцене и в кино, не можешь не обратить внимания на определенную, ясно читаемую целенаправленность творческого поиска, художественную и жизненную «весомость» драматургического материала, над которым работал и работает артист.

Профессиональная биография Горбачева началась с голевского Хлестакова. Он, тогда еще студент философского факультета Ленинградского университета, сыграл Хлестако-

ва с присущими молодости увлеченностью и озорством. Но полностью соответствуя требованию проявлять в мыслях «легкость необыкновенную», герой Горбачева был явно «себе на уме». В его хвастливой болтовне постоянно присутствовала некая жизненная платформа, построенная на отличном знании российских порядков, в которых он, Хлестаков, чувствовал себя, как рыба в воде. Горбачев как бы стилизовал в зримом сценическом поединке характер и время... И какими бы разными ни были создаваемые затем в театре Горбачевым характеры, в каждом конкретном случае неизменным оставалось это его стремление прозреть помыслы и поступки сценических героев самыми высокими

требованиями эпохи и современности.

В этом плане принципиальным оказалось для актера участие в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского. Мне довелось в свое время видеть этот спектакль ленинградцев, отмеченный Ленинской премией. Что-то успело забыться, но что-то свежо в памяти, как будто было только вчера...

Будто вчера встречался с женщиной-комиссаром в черной кожаной куртке. Будто вчера расстался с рослым кудрявым парнем в сдвинутой небрежно бескозырке и с гармонью, — песенником и задирой. И еще — встревоженным, очень встревоженным своей жизнью человеком. Потому что

Алексей у Горбачева и впрямь не знал покоя, не находил себе места. Жизнь, революция требовали многого, а он давал им куда меньше. И потому-то иной раз, очертя голову, рвался Алексей в самое пекло, сворачивал не на те тропки. И — задавал вопросы комиссару, прозревая, мужая, становясь сильнее от того, что начинал шагать в ногу с народом, партией.

Нет не правда, когда утверждают, будто талантливые сценические работы рано или поздно становятся достоянием прошлого. Это не так. И у Горбачева — тоже. Иначе не было

бы сегодня его Сент-Экса. Не взволновала бы нас судьба врача Владимира Устименко, который родом из семейства тех же окрыленных мечтой людей, но много счастливее, потому что может ощутить себя хозяином и творцом жизни...

И уж, конечно, не задела бы так за живое непутевая судьба варшавянина Максимовича, пытающегося отмахнуться от личной ответственности за то, что происходит вокруг. Время и его вызывает на поединок.

И в наступивший «час пик» герой Горбачева обнаруживает не только то, что жил мелко и плохо, что погряз в эгоизме и черствости, он открывает одновременно, что способен быть иным. Это важнее-важных для спектакля и для актера, который не имеет права быть лишь фиксатором духовных граней. Вот почему у Кшыштофе Максимовиче у Горбачева как бы постоянно различимы два человека, враждующие между собой. Один — полный, отяжелевший от кабинетных бдений, довольный всем и вся, другой — которому неудобно от такой жизни, обидно за собственные мелкие и крупные, до поры до времени сходящие с рук грехи и грешки.

Можно себе представить, как даже внешне должен был измениться такой Кшыштоф, когда «час пик» помог ему ре-

шиться попробовать стать иным. Широко, уверенно, как мальчишка, топая ногами, торопится Максимович—Горбачев к месту своей новой, «скромной» службы. И хочет, чтобы все заметили эту его маленькую будничную радостную прогулку пешком. Пешком, а не в «персональном» авто...

И отрицая, утверждать. Утверждать обязательно. Не в этом ли один из секретов эмоционального воздействия героев Горбачева? И оно тем острее в пьесах, где актер сталкивает нас с характерами, достойными подражания. С такими, как Сент-Экзюпери, например.

Это вовсе не значит, что положительность героев подобного рода трактуется Горбачевым однозначно. У Сент-Экса есть свои драмы, свои трудности. Он часто шутит, каламбурирует. Но тут же признается однажды, что испытывает постоянную тревогу за все, что любит. И шутки делают эту озабоченность Сент-Экса за «планету людей» вдвойне зримой. Вот почему он часто «смеется сквозь слезы», которые также не вяжутся с его могучей фигурой, упрямым нравом и привычкой говорить обо всем, что думаешь. А Сент-Экс думает о многом и только одной мысли нет в нем места — эгоистической мысли лишь о себе.

Жить так — невероятно трудно! Но и завиднее уметь жить так. Об этом вновь и вновь размышляешь, уходя со спектакля «Дело, которому ты служишь», где Горбачев играет Владимира Устименко. С первого же знакомства с Устименко, когда он почти седой, падая на раненую ногу, идет по разрушенному войной родному городу, догадываешься — акцент в этой сценической работе сознательно ставится актером на слове «трудно». Трудно, даже чисто физически, для израненного войной человека бегать по стройкам и инстанциям, воевать с бюрократами, бороться за восстановление ленинских норм нашей жизни. Но есть еще и требование — надо, дерзкое желание сделать то, что нужно, что во сто крат окупится ощущением выполненного долга, радостью выигранного сражения за народное счастье.

Возможно, желая оттенить драматизм борьбы героя повести Ю. Германа Горбачев подчас сгущает краски, слишком уж «старит», а временами и ожесточает Устименко. Из-за этого образ временами теряют

ту неиссякаемую молодость души, которой так щедро наделен главный герой книги. Но как бы там ни было, спектакль в целом позволяет ощутить радость за ярко прожитую жизнь, за современника, способного всего себя отдать «делу, которому служишь».

Снова актер верен своему принципу измерять достоинства и недостатки людей «глобальными» масштабами нашей эпохи, где так велика ответственность каждого за все, что происходит вокруг, за судьбы мира, его настоящее и будущее.

Герои Горбачева выходят на сцену, чтобы спорить и опровергать, утверждать и учить, мыслить, любить, ненавидеть... Когда такой разговор ведется художником с искренней заинтересованностью и откровенностью, не принять в нем участия невозможно.

Л. МАКОВКИН.

На снимке: народный артист РСФСР И. ГОРБАЧЕВ в спектакле «Жизнь Сент-Экзюпери».

Фото В. Долганина.

Уральский рабочий
г. Свердловск
20 июля 1972.